

САДЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

1

Петр получил свое первоначальное образование в Кремлевских и Измайловских садах. Сады были символом «школы» в стихах Симеона Полоцкого. Но в садах происходило и реальное общение. В садах учил маленького Петра Зотов. В садах Петр заводил потешный флот, учась строить настоящий. В садах Петр создавал потешные полки, ставшие впоследствии его гвардией. В садах Петр знакомился и с голландским искусством.

Особый интерес Петра I к голландским садам вовсе не объясняется только «благодаря сходству природных условий с местностью Петербурга»,³² а главным образом потому, что уже в XVII в., в детстве, Петр I привык к московским садам, испытавшим сильное влияние голландского Барокко.

Вполне понятно, что Петр на всю жизнь сохранил особое отношение к садам и, пытаясь перестраивать русский быт, начал именно с садов и посыпал за границу людей учиться голландскому садовому искусству.³³

³² Т. Б. Дубяго. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963, с. 31.

³³ А. И. Успенский сообщает: «Петр I посыпал в Голландию русских учиться садовому искусству. Между прочим, в одном архивном документе сообщается следующее: „В Канцелярии городовых дел выписано. В прошлом 719 году июля 4-го в письме ко князю Алексею Михайловичу Черкасскому, за рукою господина Неронова, написано: Приехали из Голландии русских три человека: Иван Алабин, Ермолов Крацов, Данило Овсянников, которые учились делать садовых цветников, и оных указала государыня царица определить квартирою и оное их дело освидетельствовать и приказать им, что к прибытию его величества сделать“. Алабин, Крацов и Овсянников из Голландии привезли с собою в Петербург „фурмы гончарные“ (Общий Архив Министерства императорского двора в Петербурге. Дела Гоффинтен-дантской конторы, № 484, отд. № 6)» (А. И. Успенский. Императорские дворцы, т. II. М., 1913, с. 1). Фактическая история устройства садов при Петре I до-

Петру не многое пришлось менять в привычном для него садовом обиходе. Он любил в петербургских садах то, к чему привык в московских, и сохранил свое пристрастие к голландскому стилю садоводства, в частности любовь к цветам. Он добавил только скульптуры, украшая ими сады, и те же лабиринты, которые были ему знакомы по Измайлову.

В отличие от московских садов Петр I свои петербургские сады стремился как можно интенсивнее населить «значимыми» объектами, придать садам учебный характер, но так как обучению, по замыслу Петра, подвергалось всё население России, то в данном случае наставительный характер садов должен был быть гораздо более «взрослым». Барокко из «школьного» стало при Петре просветительским. Стремление населить сад «значимыми» объектами может быть отмечено в первых же шагах нового «европейского» садово-паркового искусства в России. С первых лет строительства Летнего сада в Петербурге Петр I озабочен его скульптурным убранством.³⁴ Нет никакого сомнения в том, что это скульптурное убранство решало не только вопросы формально-зрительного порядка, служило не только «композиционному решению паркового комплекса», стремилось не только придать саду «масштабность, внести цветовой контраст», «украсить определенный участок», но выполняло и определенный идеологический замысел: внести в мировоззрение посетителей элемент европейского, светского отношения к миру и природе. Конечно, смысл «воскрешения» античной мифологии в послоренессансный период в Европе не заключался в восстановлении античной мифологии как определенной религиозной системы. Это было скорее своеобразное «светское переосмысление» средневекового толкования мира путем придания каждому проявлению природы некоего нового общеевропейского эмблематического значения.

Именно поэтому в 1705 г. в Амстердаме была издана по приказанию Петра книга «Символы и эмблемы», затем неоднократно переиздававшаяся. Книга эта давала образцы для символической системы садов, садовых украшений, фейерверков, триумфальных арок, скульптурных украшений зданий и т. д. Это был «букварь» новой знаковой системы, сменившей существовавшую до того церковную.

Петр в своей попытке перевести мышление русских людей в европейскую мифологическую и эмблематическую систему, что было крайне необходимо для установления более тесных культурных контактов с Европой, совершенно правильно для своего времени стремился сделать привычной для русских образованных людей античную мифологию и вос-

вольно хорошо изучена. Наиболее полный обзор материалов см. в книге: Т. Б. Дубяго. Русские регулярные сады и парки. Там же литература вопроса и отсылки к архивным материалам. В нашу задачу входит только определение стиля, к которому принадлежали петровские сады, и некоторых их художественных особенностей.

³⁴ Т. Б. Дубяго. Летний сад. М.—Л., 1951, с. 14.

пользовался для этого наиболее сильным воздействующим искусством — садово-парковым. Его Летний сад был своего рода «академией», в которой русские люди проходили начатки европейского образования. И с этой точки зрения представляет огромный интерес планировка второго участка Летнего сада, где Петр устроил лабиринт на темы «из фабол лабиринта Версальского и зрелища жития человеческого из эзоповых притчей».³⁵ Эти же сюжеты Петр использовал при устройстве Петергофского сада, а также Царскосельского. Сады давали новую азбуку, учили языку «эмблемат».

Для устройства лабиринта с сюжетами Эзоповых басен широко использовалась книга Фонделя, изданная в Амстердаме.³⁶

При всем их «учительном» характере (петербургские сады сохраняли вместе с тем и свой развлекательный, «потешный» характер), столь типичный для голландского Барокко с его чуть плебейским характером. Среди «чудаческих затей» Петра следует указать его любовь к редким цветам, интерес к «фарфоровым гарнитурам для убранства цветников» и прямо-таки пристрастие к садовым шуткам. В дневнике Берхгольца подробно указывается, что именно «находится в Летнем саду». В частности, «устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою; где обыкновенно проводит время царь, когда желает быть один или когда хочет кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти оттуда нет никакой возможности, как скоро отчалит стоящий вблизи ботик, на котором переправляются к беседке».³⁷

Следует, например, учитывать, что Летний сад окружал собой Летний дворец Петра, где собирались ассамблеи. Летний сад был также садом ассамблей. Басни Эзопа, которые сюжетно оформляли Летний сад, по мысли Петра, были потешными и учебными предприятиями одновременно (потеха и учение у Петра все время объединялись вопреки древнерусской поговорке, их противопоставлявшей: «Ученью время — потехе час»³⁸). Потешный элемент был и в других петровских садах — Сарском и Петергофском, в Стрельне и Ораниенбауме. Этот потешный элемент сохранялся и в последующем — во все время господства стиля Барокко. Даже в период, когда Барокко уже отошло, в Камероновой галерее — в этом «прибежище Философии», где были выставлены статуи и бюсты знаменитых

³⁵ Там же, с. 39 и след. Опись 31 фонтана со скульптурными группами см. на с. 44 и след.

³⁶ Just Vondel. Tooneal des Menschelikken Levens. Amsterdam, 1661. Сюжеты Эзоповых притч имелись во второй части этой книги. Русский перевод издан под названием «Зрелище жития человеческого» (1674).

³⁷ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. М., 1902, с. 62.

³⁸ Поговорка эта, кстати, очень часто неправильно толкуется как равенство «потехи» и «учения». Между тем весь смысл ее в том, что «учению» предоставляется явное преимущество перед «потехой». «Ученю» отводится «время» — большой промежуток времени, тогда как «потехе» — только мгновение («час» по-древнерусски — лишь небольшой промежуток времени).

мужей, по шуточной просьбе Ломоносова был шутливо же поставлен его бюст.

Большой простор для барочных шуток давали фонтаны. Здесь следует вспомнить о различных «водяных курьезах» в Петергофе — шутихах, «фаворитном фонтане», «забавном фонтане», «Егерской штуке», «Пирамиде» и пр., и пр., ставившихся в разное время по традиции.

Были и еще некоторые черты стиля голландского Барокко, которые отчетливо дают себя знать в петровских садах. Не случайно любимым садоводом Петра был голландец Ян Розен.³⁹ Как и в итальянских, в голландских садах дом хозяина мог находиться сбоку от оси сада — оси, на которой с обеих сторон располагались террасы и «кабинеты». Так это мы и видим, например, в Летнем саду.

Затем, в голландском садоводстве было принято густо обсаживать дом или дворец деревьями. Так в Голландском (Старом) саду Екатерининского парка деревья плотно примыкали к садовому фасаду Екатерининского дворца. Эти деревья в основном пережили Великую Отечественную войну и были вырублены лишь в 60-е годы нашего века в порядке «переустройства» Голландского сада под маленький Версаль. Они пока что сохраняются еще у Монплезира в Петергофе. Для голландских садов в целях их разнообразия характерна была также асимметрия «кабинетов», окружавших продольную соединительную аллею, как это мы и видели до недавнего времени в Голландском (Старом) саду Царского Села. Отчетливый пример — полная асимметрия двух прудов в Голландском саду — левого и правого. Были в Голландском саду фруктовые участки и участки дикого леса — Дикий сад. То же можно сказать и относительно Летнего сада в Петербурге, а также Петергофского, Оранienбаумского и Екатерингофского.

Наконец, как продолжение, с одной стороны, московских традиций, а с другой стороны — непосредственно голландских можно указать и на такую особенность, как обилие различных мест уединения: беседок, гротов, боскетов, трельяжей, огибных аллей и пр. Это традиция очень давняя, и здесь особенно необходимо отметить разнообразие значений и назначений садовых эрмитажей.

Голландский характер Летнего сада в Петербурге ясно осознавался еще в начале XIX в. П. Свинын писал о Летнем саде: «Сад сей разведен

³⁹ Весьма возможно, что многочисленные садовые проекты французского архитектора Леблона (1679—1719), приехавшего в Россию в 1716 г., не получили своего осуществления, за исключением Петергофского сада и некоторых других, именно потому, что у Леблона был другой стиль оформления садов и Петру не нравились его проекты. Т. Б. Дубяго предполагает, что Петру Леблон казался недостаточно смелым проектировщиком, но дело скорее в другом — в несоответствии проектов Леблона «голландским» вкусам Петра, в частности его любви к цветникам. См.: Т. Б. Дубяго. Летний сад, с. 24 и след. Отметим, что Петр впервые посетил Францию в 1717 г., был в Версале, Сен-Клу, Марли, Трианоне. Из мастеров французских садов у Петра работал только Леблон.

в голландском вкусе, что должно заключить из прямых линий, пересекаемых тупыми и острыми углами. Большие аллеи обсажены высокими липами и кленом, а прочие акациею. Во внутренности их поделаны небольшие лабиринты, зеленые лужайки, лесочки и цветники».⁴⁰

Голландский характер Летнего сада осознавался и при Петре I. Повидимому, Летний сад сохранял более или менее тот характер, который имела находившаяся на его месте при шведах мыза. В скандинавских странах был распространен в конце XVII в., как уже указывалось, именно голландский вариант Барокко.

Неизвестный автор, скрывшийся за инициалами (Н. Г.), в книге, изданной в Лейпциге в 1713 г., пишет: «Вплоть у этой речки (Фонтанки, — Д. Л.) — Царская резиденция (имеется в виду Летний дворец в Летнем саду, — Д. Л.), то есть — небольшой домик в саду, голландского фасада».

Он же отмечает в саду птичник и небольшой зверинец, «в котором находятся цапли, журавли, широконоски и тому подобная птица», а кроме того, оранжерею. «Садовниками были в мое время при саде — немец, а в оранжерее — голландец... возле обширный огород, за которым присматривает швед, очень хорошо его устроивший и содержащий».⁴¹

Я. Штелин рассказывает о саде при Летнем дворце: «Шведский садовник Шредер, отделяя прекрасный сад при Летнем дворце, между прочим, сделал две куртины, или небольшие парки, окруженные высокими шпалерами, с местами для сидения. Государь часто приходил смотреть его работу и, увидевши сии парки, тотчас вздумал сделать в сем увеселительном месте что-нибудь поучительное. Он приказал позвать садовника и сказал ему: „Я очень доволен твою работою и изрядными украшениями. Однако не прогневайся, что я прикажу тебе боковые куртины переделать. Я желал бы, чтобы люди, которые будут гулять здесь в саду, находили в нем что-нибудь поучительное. Как же бы нам это сделать?“ „Я не знаю, как это иначе сделать, — отвечал садовник, — разве ваше величество прикажете разложить по местам книги, прикрывши их от дождя, чтобы гуляющие, сядясь, могли их читать“. Государь смеялся сему предложению и сказал: „Ты почти угадал; однако читать книги в публичном саду неловко. Моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображения Езоповых басен“».⁴²

Петр рассмеялся, но садовник-швед не шутил: сад сам по себе был книгой, и чтение в саду было почти обязательным занятием начиная со

⁴⁰ Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей, Павла Свирина, тетр. I. СПб., 1816, с. 68.

⁴¹ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711-м гг. Перевод немецкой книжки, изд. Н. Г. в 1713 г. в Лейпциге. — Русская старина, 1882, октябрь, с. 42—44.

⁴² Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Часть первая. Изд. 2-е. М., 1820, с. 208—210.

Средних веков. Книги клались на скамейки перед приходом гостей со временем Ренессанса. Петр предложил нечто более простое и удобное: скульптурные группы басен Эзопа. Но предложение Петра не было принципиально отличным от предложения садовника: скульптурные группы тоже следовало «читать» в поучение себе.

Вот что пишет Я. Штелин дальше: сад «состоял из четырех куртин со шпалерами, как в лабиринте, у которых в каждом углу сделан был фонтан, представляющий какую-нибудь Езопову басню, в небольшом бассейне, обложенном мохом и окаменелыми раковинами, которые доставляемы были из озера Ильменя. Все изображенные животные сделаны были по большей части в натуральной величине из свинца и позолочены; из каждого был фонтан по его положению. Таких фонтанов сделано было более шестидесяти; при входе же поставлена свинцовая вызолоченная статуя горбатого Езопа в натуральной величине. Государь, думая, что весьма немногие из прогуливающихся в саду будут знать содержание сих изображений, а еще менее разуметь их значение, приказал подле каждого фонтана поставить столб с белой жестью, на которой четким русским письмом написана была каждая баснь с толкованием. Сие место было после любимым государевым местом в новом саду, и он часто проходил там один по целому часу».⁴³

С. Н. Шубинский пишет, что Летний сад, занимавший весьма большую территорию, «разведен в 1711 году, по плану, нарисованному самим государем».⁴⁴

Тот же С. Н. Шубинский отмечает, что в саду были клетки для птиц, голубятни, бродили «редкие породы пернатых», были устроены оранжереи, огромный птичник, на воде плавали гуси и утки. Что же касается до изображений басен Эзопа, то С. Н. Шубинский отмечает, между прочим, что «император любил собирать здесь гуляющих и сам объяснял им смысл изображенных басен».⁴⁵

Насколько существенным элементом нового европейского образования Петр считал басни Эзопа, показывает тот факт, что среди переводов сочинений, сделанных при Петре, прежде всего был издан Эзоп: «Причины Эзоповы...» в переводе Ильи Копиевского. Книга вышла на русском и латинском языках в 1700 г. в Амстердаме.⁴⁶

Но вернемся к голландскому характеру петровского Летнего сада.

В конце XVIII в. И. Г. Георги также отмечает, что Летний сад разбит был Петром в «голландском вкусе»: «Сей сад заведен в старинном или голландском вкусе, имеет прямые аллеи, пересекаемые прямыми, острыми

⁴³ Там же. «Фигуры Езоповы деревянные» имелись при Петре и в саду Петергофа (А. И. Успенский. Императорские дворцы, т. II, с. 89) и в других садах Петра.

⁴⁴ Очерки из жизни и быта прошлого времени С. Н. Шубинского. СПб., 1888, с. 1.

⁴⁵ Там же, с. 2.

⁴⁶ История русской литературы в четырех томах, т. 1. Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. Л., 1980, с. 472.

и тупыми углами, также высокие липа и клен, коих промежутки составляют то самородный, то насажденный лесок и кустарник. Иной четвероугольник заключает в себе небольшой лабиринт, другой дорожки, обсаженные сибирским гороховником, зеленицею, цветами».⁴⁷

На гравюре Зубова 1717 г. в Летнем саду видны «люстгаузы», «малые люстгаузы» или беседки, гроты и т. п.

По документам видно, что в Летнем саду были решетчатые гульбища, голубятни, фонтаны, «кашкады» и т. д., т. е. сад «жил» — жил своим собственным «садовым бытом».

Впоследствии понятие «голландский сад» приобрело значение небольшого сада вблизи дома с обилием цветов. Приблизительно то же значение оно стало иметь и в английском языке (*«Dutch Garden»*). «Голландские сады» входили в систему романтических садов, садов русских усадеб XIX в. и т. д. как их органическая часть на переходе от архитектуры дома к пейзажному усадебному парку.

Такой «голландский сад» был впоследствии и в пейзажном Павловске. П. Шторх пишет о «Садике императрицы Марии Федоровны»: «Маленький этот сад, прилегающий ко дворцу, устроен на голландский манер. Он пересекается двумя аллеями, разделяющими его на четыре части. Множество душистых цветов наполняют его приятнейшим благоуханием».⁴⁸ В этом «голландском саду» стояли «некогда кресла с балдахином».⁴⁹ С. Н. Вильчковский пишет в своей книге *«Царское Село»*: «Отсюда (от середины Большого дворца) начинается средняя аллея, упирающаяся в Эрмитаж. По сторонам ее, до Рыбного канала, во времена Петра и Елизаветы расстипался правильный голландский сад, при императрице Екатерине II переделанный на английский лад. Этот сад имеет два уступа от дворца до канала и делится широкой, так называемой „Генеральской“ аллеей пополам. На ближайшем уступе, кроме стриженных аллей, существовали в первой половине XVIII века вычурные беседки, галереи, боскеты, трельяжи».⁵⁰

Известная гравюра М. Махаева, изображающая Старый сад при Елизавете Петровне, искаивает перспективу, показывает слишком большие пространства там, где сад на самом деле не так велик, и устраниет из обозрения части сада со старыми деревьями,⁵¹ которые закрывали вид на дворец: главный объект его изображения.

⁴⁷ И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга, часть первая. [Б. м.], 1794, §§ 90—92. Цит. по: А. И. Успенский. Императорские дворцы, т. I. М., 1913, с. 261—262.

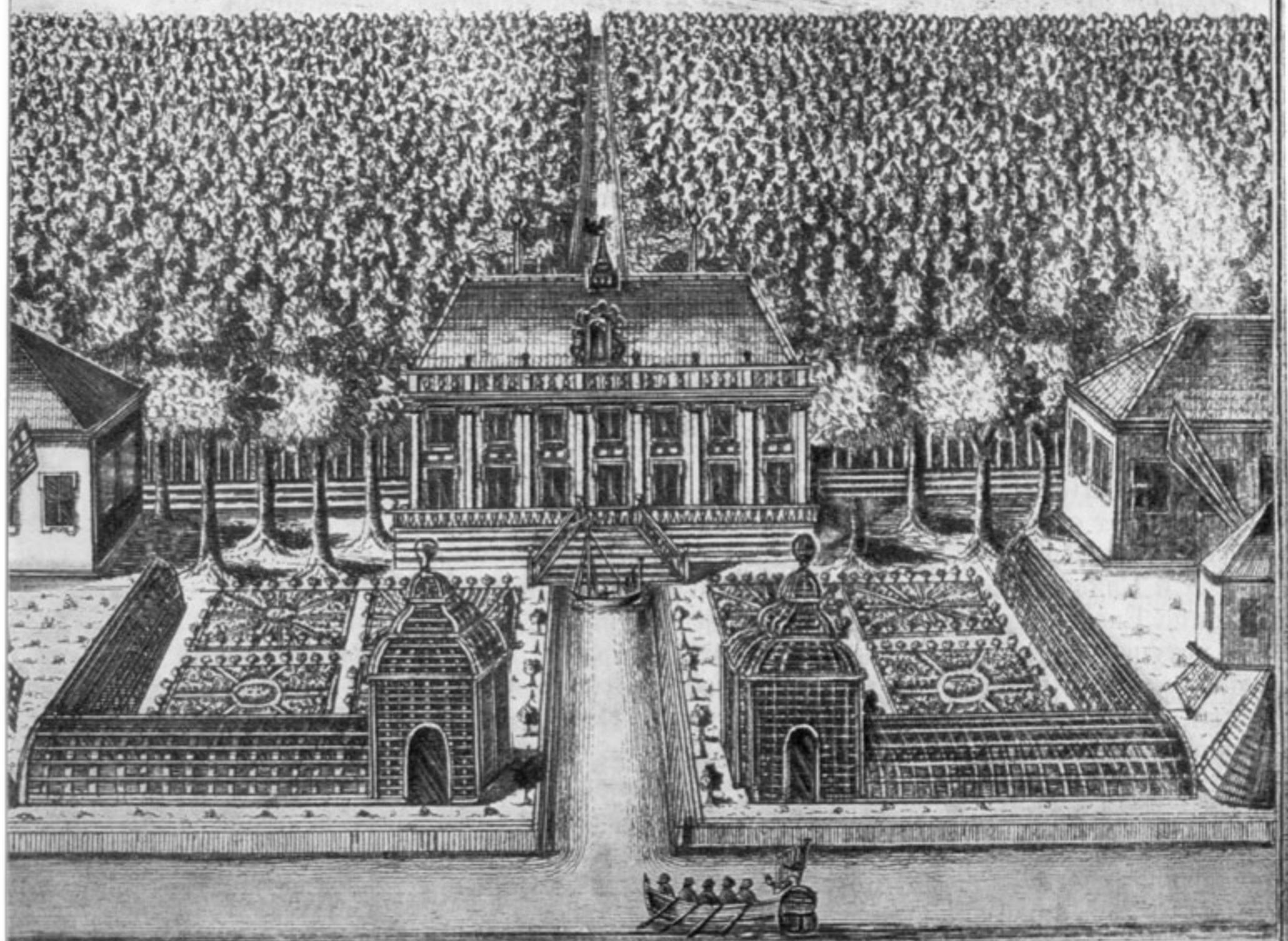
⁴⁸ Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П. Шторхом, с двенадцатью видами, рисованными с натуры В. А. Жуковским, и планом. СПб., 1843, с. 42—43.

⁴⁹ Там же, с. 44.

⁵⁰ С. Н. Вильчковский. Царское Село. СПб., 1911, с. 143.

⁵¹ Деревья, посаженные вдоль фасада Екатерининского дворца, показаны и на картине Е. Е. Лансере *«Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе»* (воспро-

ЕКАТЕРИНГОФСКИЙ САД

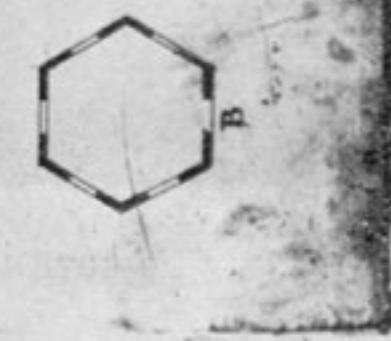
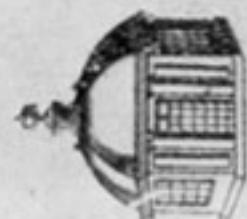
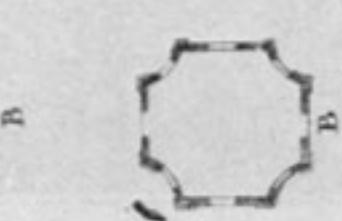
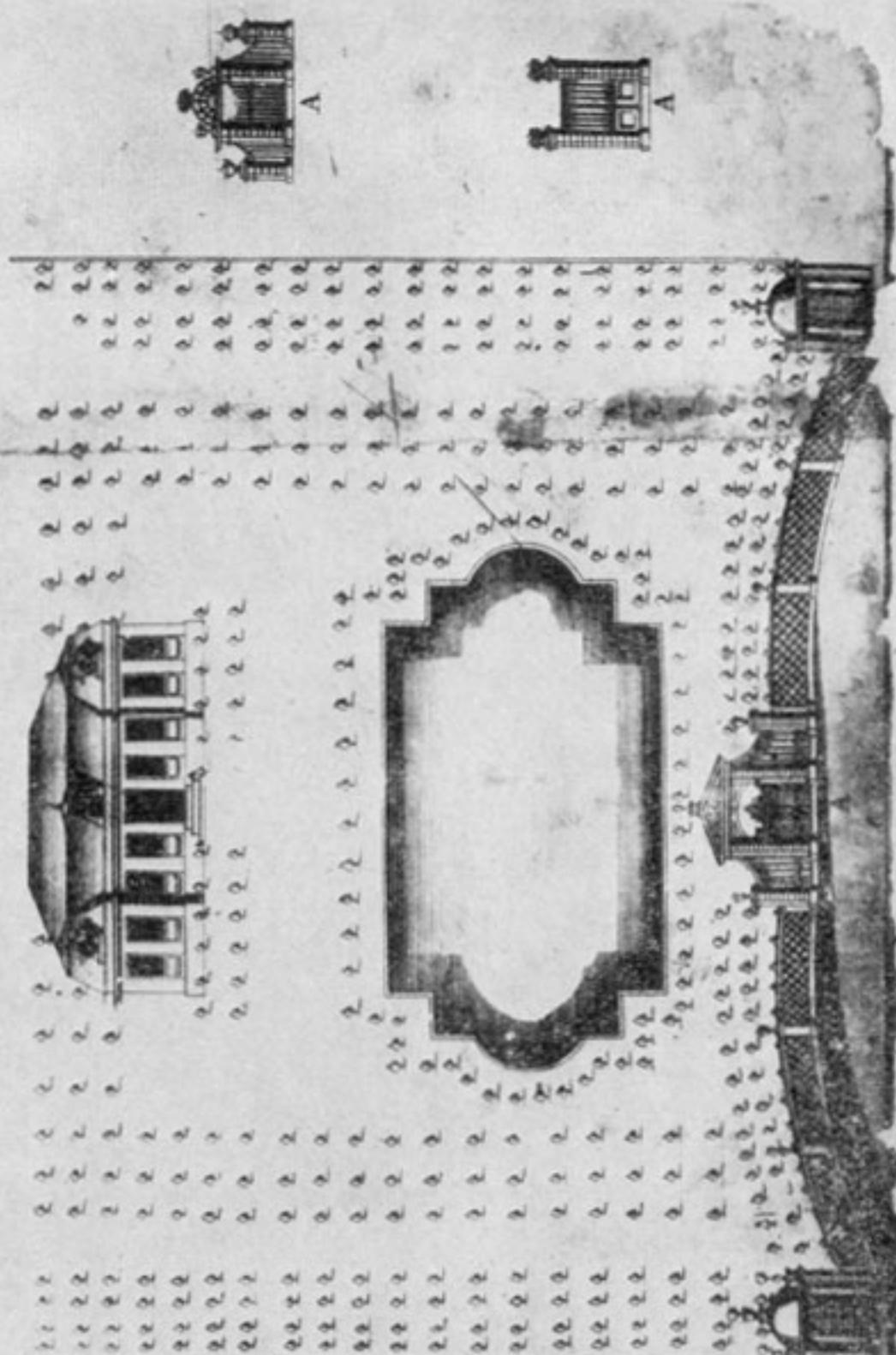
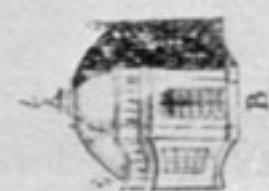
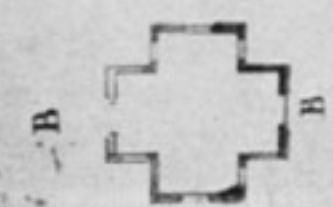
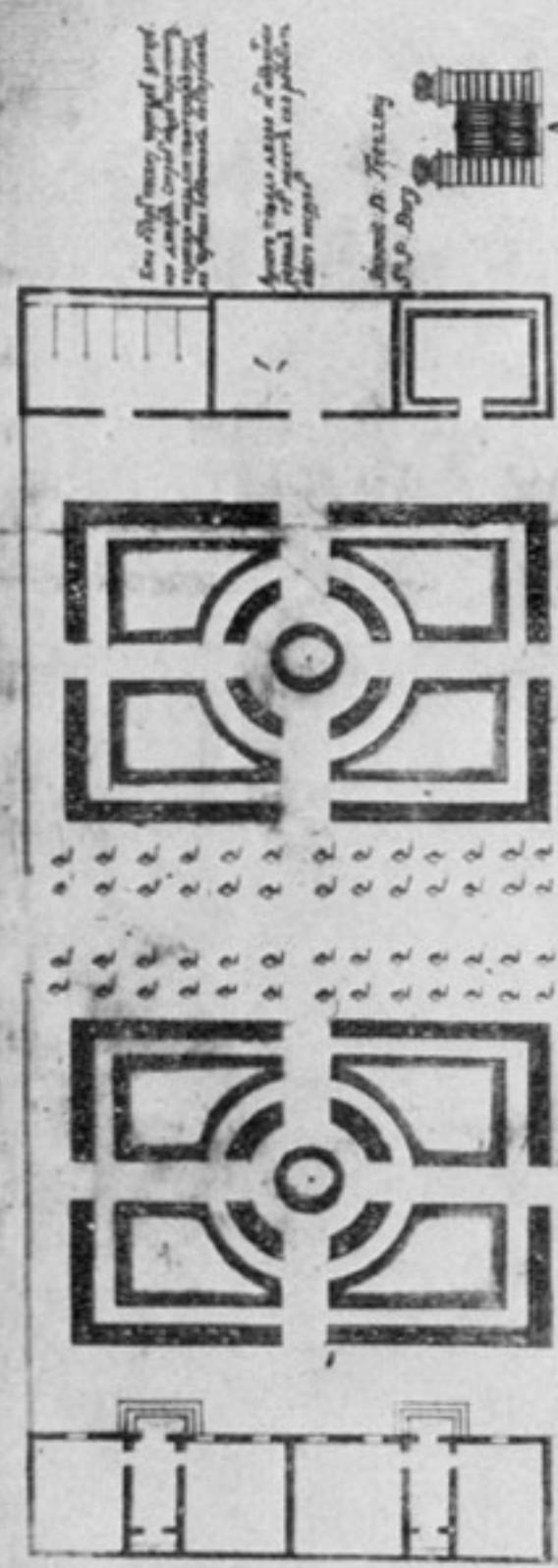

Екатерингофский сад при Петре. Гравюра А. Зубова.

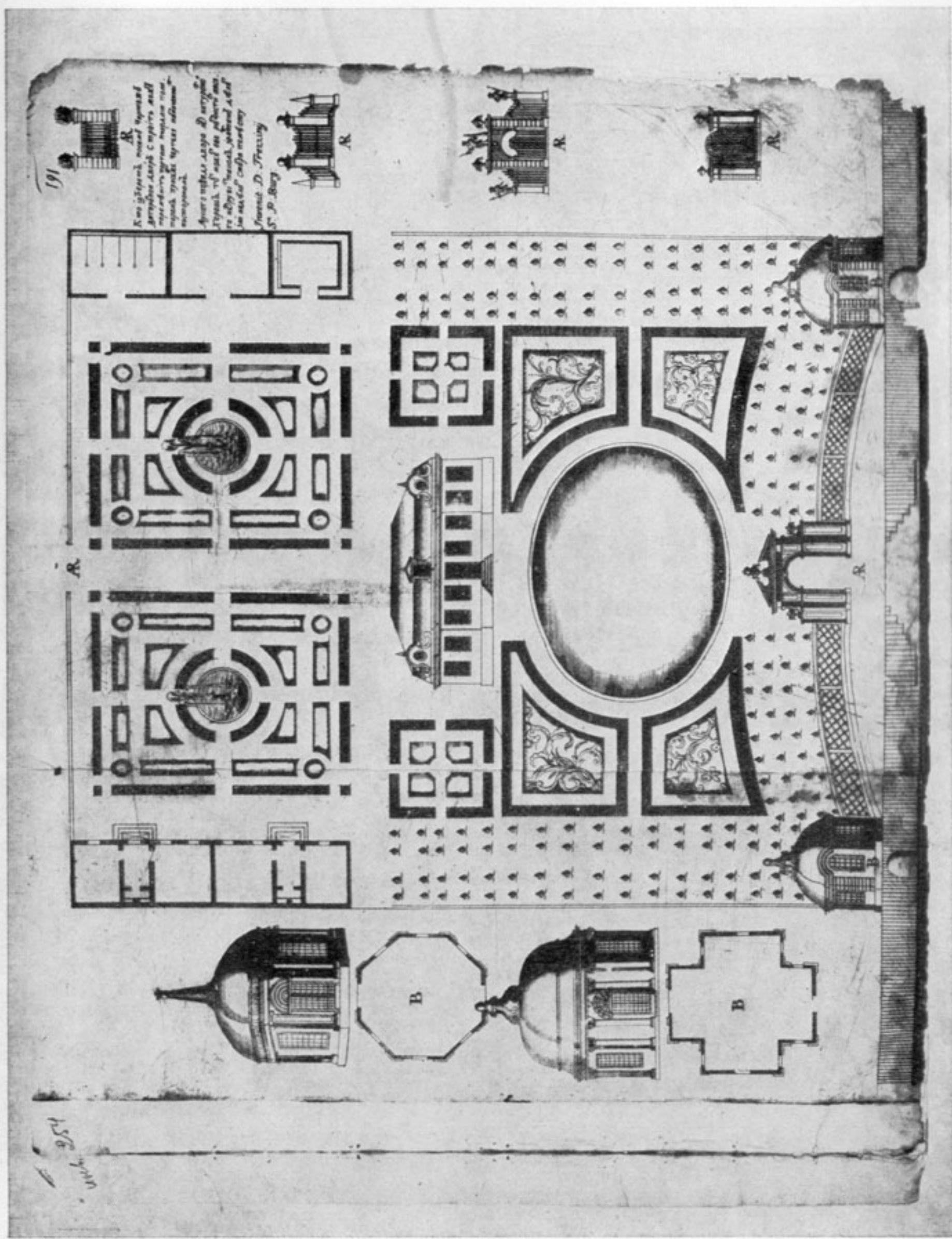

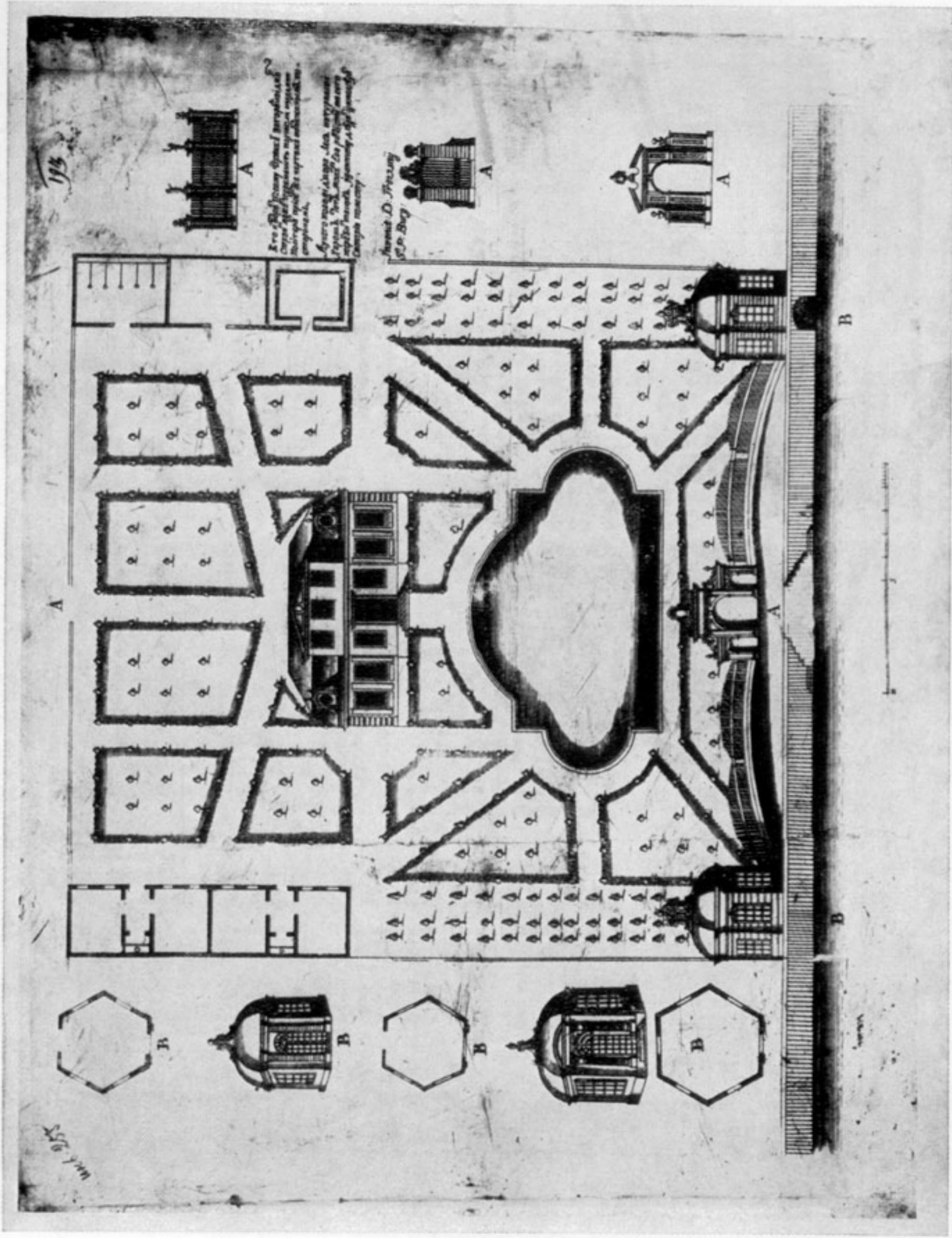
Летний сад при Петре. Гравюра А. Зубова 1717 г.

Гипсовый проект загородного дома с садом, сделанный Д. Трезини. Первая четверть XVIII в.
Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, инв. 253.

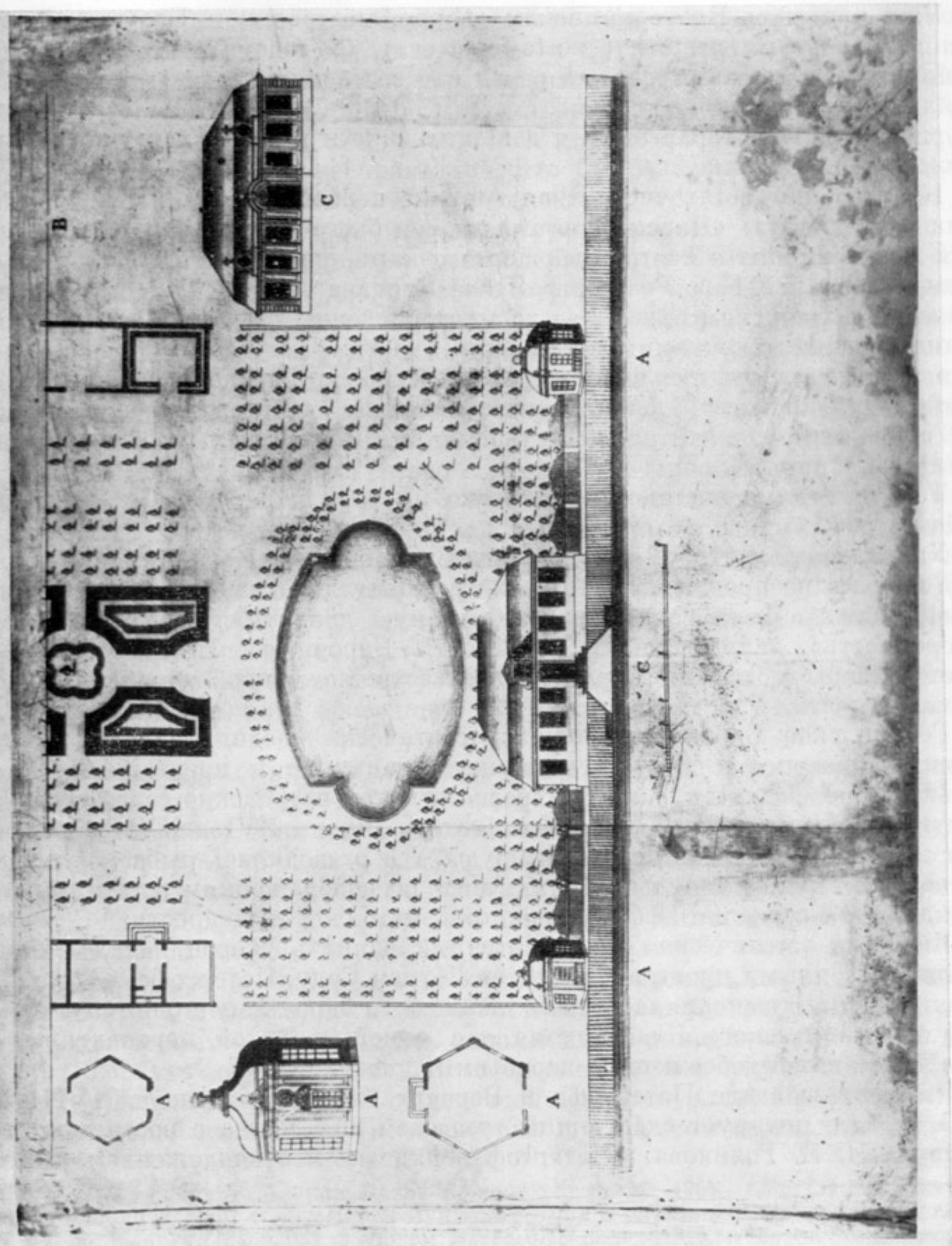
Типовой проект загородного дома с садом, сделанный Д. Трезини. Первая четверть XVIII в.
Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, инв. 254.

Типовой проект загородного дома с садом, сделанный Д. Трезини. Первая четверть XVIII в.
Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, инв. 255.

Типшовой проект загородного дома с садом, сделанный Д. Трезини. Первая четверть XVIII в.
Рукоописный отдел Библиотеки АН СССР, инв. 260.

Уже в первом Екатерининском дворце, построенном Браунштейном, было 24 «светлых двери» (*«porte-fenêtres»*), благодаря которым (как и в Монплезире в Петергофе) дворец и сад составляли как бы одно целое, служили продолжениями одного другим. Это та же система соединения дворца с садом, которая была и в Монплезире и которая характерна для голландского Барокко.

Краткая, но достаточно четкая картина первого сада в Царском Селе дана А. Н. Бенуа: «Царскосельский дворец был окружен садом, устроенным одновременно с постройкой первого каменного дворца под наблюдением садовников Яна Розина и Ягана-Каспера Фохта. Сад был расположен в голландском вкусе, т. е. с многочисленными цветниками, с прямолинейными дорожками и каналами, частью уступами, но довольно тесный, без широких перспектив, без объединяющей декоративной мысли итальянского и французского типа. До сих пор Царскосельский сад сохраняет в значительной степени эту первоначальную, несколько мелкую планировку».⁵²

Тот же стиль голландского Барокко имел и петровский Нижний сад в Петергофе.

Характерны для садов Барокко были и узкие аллеи, идущие по центру сада и вовсе не предназначенные для раскрытия видов на дворец. Узкие аллеи должны были создавать необходимую для стиля Барокко «недоговоренность», таинственность, неясность. Барочные, как и готические, здания «скрываются» в окружающей застройке или в окружении деревьев.

Голландское Барокко позволяло эстетически соединять сад с водяными подъездами к дому, «гаванцами», каналами и пристанями. Этот аспект петровского стиля в садах резко отличал петровские сады от предшествующих русских садов XVII в., хотя в России XVI и XVII вв. важной особенностью садов являлись пруды, где разводилась рыба не только для «утилитарного использования», но и по соображениям эстетического порядка: для создания эффекта полноты, изобилия и щедрости.⁵³

Любимая эстетическая идея Петра — соединять дворец и сад с ближайшими водными пространствами (в Летнем Саду, Петергофе, Стрельне, Ораниенбауме) выполнялась по голландскому барочному принципу, а не в духе французского Классицизма, — с помощью узкой перспективы — канала или аллеи, обсаженной деревьями.

Различия в стиле Петергофа и Версаля были ясны уже в XVIII в. Т. Б. Дубяго цитирует следующий «разговор швейцарца с россиянином» из труда И. И. Голикова: «Петергоф изрядным местоположением своим

изведение этюда к картине см. в книге: А. Н. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, между с. 230 и 231).

⁵² А. Н. Бенуа. Царское Село... с. 16—17.

⁵³ При приезде гостей на стол подавались блюда из свежевыловленной в этих прудах рыбы.

походит на Версалию, как Петр Великий может быть сравнен с Людовиком XIV. Один все имел от природы, а другой только прославлен ласкальством французских авторов. Петр Великий не имел пустого честолюбия, чтобы преодолеть натуру, но пользовался оною. Людовик же XIV, никогда о том не радея, сокровища свои жертвовал мнимой славе... Тот был бы пристрастен и несправедлив, кто бы разности не сделал между сими двумя государями».⁵⁴

Действительно, Версаль посвящен прославлению «короля-солнца» — Людовика XIV, а Петергоф — русским победам на Балтийском море. Версальский сад обращен к дворцу, Петергофский — к морю. И эту обращенность к морю как бы с тыла «поддерживает» дворец. Но различие состоит не только в этом — Версальский сад принадлежит стилю французского Классицизма, Петергоф же — Барокко, и его фонтанный каскад и фонтанная аллея⁵⁵ ближе всего стоит не к Версальской фонтанной системе, а к барочному фонтанному ансамблю итальянской виллы д'Эсте в Тиволи, воздвигавшемуся Пирро Лигорио в течение 23 лет (1550—1573).

В Петергофе до Великой Отечественной войны, пока густые темные ели еще не были вырублены и заменены «голубыми елками», совершенно не идущими Петергофу, грандиозный фонтан Самсон, проглядывавший с большого канала, был развернутой и увеличенной идеей виллы д'Эсте в Тиволи, которую так превосходно написал Фрагонар и рисовала А. Остроумова-Лебедева.

Прекрасную характеристику Петергофского сада в отличиях его от Версаля оставил нам провелший в Петергофе свое детство и юность А. Н. Бенуа.

В «Моих воспоминаниях» Бенуа пишет: «Петергоф принято сравнивать с Версалем. „Петергоф — русский Версаль“, „Петр пожелал у себя устроить подобие Версаля“ — эти фразы слышишь постоянно. Но если действительно Петр был в 1717 г. поражен резиденцией французского короля, если в память этого он и назвал один из павильонов в Петергофе Марли, если и другое петергофское название — Монплезир — можно принять за свидетельство его „французских симпатий“, если встречаем как раз в Петергофе имена трех художников, выписанных царем из Франции (архитектора Леблона, живописца Пильмана и скульптора Пино), то все же в целом Петергоф никак не напоминает Францию и тем менее Версаль. То, что служит главным художественным украшением Петергофа, — фонтаны, отражает общее всей Европе увлечение садовыми затеями, однако ни в своем расположении, ни в самом своем характере эти

⁵⁴ П. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. 9. М., 1788—1789 (эта ссылка принадлежит Т. Б. Дубяго: Русские регулярные сады и парки, с. 318).

⁵⁵ 22 фонтана вдоль канала от Петергофского дворца к морю были устроены М. Г. Земцовым уже после смерти Петра в 1735 г. Фонтаны чередовались с темными елями. В 1927 г. эти ели, прочно вошедшие в облик Петергофского парка, были вырублены для «открытия вида».

водяные потехи не похожи на версальские. Скорее в них чувствуются влияния немецкие, итальянские, скандинавские, но и эти влияния сильно переработаны согласно личному вкусу Петра и других русских царей, уделявших немало внимания Петергофу».⁵⁶

Гораздо раньше — еще в 1902 г. А. Н. Бенуа писал значительно решительнее: «Его (Петергоф, — Д. Л.) часто сравнивают с Версалем, но это по недоразумению. Петергоф так же похож на Версаль, как этот последний на виллу Адриана. Действительно, Петр воспроизвел в Петергофе две-три диковины, поразившие его в Версальских садах, но как раз этих диковин, за исключением Пирамиды, в настоящее время нет и следа. Совершенно особый характер Петергофу придает море. Петергоф как бы родился из пены морской, как бы вызван к жизни велением могучего морского царя. Версаль царит над землей (здесь и далее подчеркнуто А. Н. Бенуа, — Д. Л.). С высоты тройной террасы, на которой лежит дворец, всюду, куда ни взглянешь, видишь идеализированные земли, реки, поляны, пруды и леса, — словом материк. О море нет и помина. В Версале жил король французской земли. Вот почему и в те дни, когда не бьют фонтаны в Версале, — он не менее хорош, нежели — когда они пущены. Фонтаны (вернее — вода фонтанов) в Версале изящное украшение, без которого можно обойтись. Петергоф — резиденция царя морей. Фонтаны в Петергофе — не придаток, а главное. Они являются символическим выражением водяного царства, тучей брызг того моря, которое плещется у берегов Петергофа. Самые дворцы в Петергофе имеют особую физиономию. Они приземистые, точно сжались от морского ветра. И вокруг растительность такая же. Нет высоких дубов, как в Царском, или пышных групп деревьев, как в Павловске. Узкой прибрежной полосой тянется Нижний (самый характерный для Петергофа) сад, с его прямыми дорожками, весь пропитанный морскою сыростью, с чахлой листвой, постоянно срываемой суровыми ветрами. При Петре и Елизавете этот сад был еще типичнее — весь стриженый, еще более низкий, еще более приморский. Среди Нижнего сада стоят „голландские“ домики Петра и длинный раззолоченный Елизаветинский дворец, в котором также сохранился, несмотря на переделки Растрелли, первоначальный голландский характер. Возникновение этого кусочка Голландии, это отражение наиболее морской страны в мире на краю нашего огромного земельного государства — одна из самых удивительных и очаровательных причуд истории... Неизъяснимо прекрасен бывает Большой дворец в светлую, чисто северную летнюю ночь. Особенно хорош на него вид с мостика через большой канал. На фоне тусклого синего неба, тон которого не передать и величайшему колористу, блекло светится длинный желтый фасад дворца и высятся черные ели. Все под ними: иссякшие с вечера каскады, заснув-

⁵⁶ А. Н. Бенуа. Мои воспоминания, т. 1. М., 1980, с. 22.

шие фонтаны тонут в сизой солнной мгле. На первом плане белеют мраморы бассейнов. Посреди бьет высокой и полной серебряной струей неустанный Самсон — символ торжества России над северными морскими державами».⁵⁷

Эти прекрасные слова А. Н. Бенуа нуждаются в некоторых поправках. В том, что Нижний сад Петергофа отнюдь не похож на французский Классицизм Версаля, не может быть сомнений. Их различие еще и в том, что сады французского Классицизма располагаются на большом пространстве, Нижний же сад спускается к морю по-голландски тремя террасами, но и голландским в чистом виде его никак признать нельзя: он для этого прежде всего слишком параден и великолепен. Его символика, связанная с владычеством над морями, торжественна и помпезна. В Петергофе Петр нашел свой стиль, ни на что не похожий. Это триумф России, вышедшей к морю, победившей Швецию и обзаведшейся своим морским побережьем.

С этой точки зрения Бенуа глубоко неправ в том, что он пишет в «Моих воспоминаниях»: Петр, по его словам, в Петергофе «превращается в голландского средней руки помещика, радушного хозяина, любителя цветов, картин, статуй и всяких курьезов».⁵⁸

Бенуа правильно определил присутствие голландского духа Барокко в Петергофе, но в «Моих воспоминаниях» он недооценил его специфически петровский размах и петровский характер.

Петр меньше интересовался Францией, чем Голландией, Германией и Англией.⁵⁹ Францию он посетил только в 1717 г., видел парки в Версале, Сен-Клу, Марли и Трианоне. Больше всего его заинтересовали два последних. В Версале и Марли его занимала техническая сторона устройства фонтанов.

Таким образом, Петр не был полностью равнодушен к французским садам, но интересует его во Франции в основном фонтанная техника.

13 июня 1706 г. Петр пишет из Пскова П. П. Шафирову:

⁵⁷ А. Н. Бенуа. Петергоф в 18 веке. — Художественные сокровища России, 1902, № 7—8, с. 139—143.

⁵⁸ А. Н. Бенуа. Мои воспоминания, т. 1, с. 24.

⁵⁹ Впервые побывав в Версальском парке только в 1717 г., Петр не очень им заинтересовался. В походных журналах мы читаем: «3 июня ездил монарх в Версалию, чаяли, что он тут несколько дней останется, но, побыв только около 2 часов, поспешил в увеселительный дом Трианон, которого прекрасный вид и приятность так ему понравились, что он тут прожил до 6 июня» (Походные и путевые журналы императора Петра I за 1697, 1712, 1716 и 1717 гг. СПб., 1853—1855. Дневник путешествия Петра 1716—1717 гг. изложен у И. И. Голикова: 1) Деяния Петра Великого, т. 5. М., 1788—1789; 2) Дополнения к «Деяниям Петра Великого», т. II. М., 1794).

Трианон, конечно, ближе подходил к вкусам Петра I, для которого был чужд стиль французского Классицизма.

Как сие писмо получиши, то немедленно приискав в Мастерской палате книги, одну обрасцовую Фантанном, в которой оставлено для прибавки обрасцов порожих листов половина, другую о огороде или о саду (в) Версалии короля Французского, и пришли в Смоленск чрез почту.

Из Пскова, в 13 д. июня 1706.

Piter.⁶⁰

18 июня 1706 г. (т. е. через 5 дней по отправлении письма Петром) Шафиров высылает ему нужные книги.

Требования Петра выслать в Петербург фонтанных мастеров, подыскать их в Париже, как и садовников, идут постоянно.⁶¹ Любопытно, что Петру в 1712 г. был «куплен модель саду версалискому».⁶²

Традиции русского Барокко XVII в. частично сохранялись впоследствии в течение всего XVIII в. Т. Б. Дубяго правильно отметила, что «в XVIII в. по-прежнему устраивались висячие сады. Так в середине XVIII в. висячие сады были устроены на галереях Екатерининского дворца в Царском Селе, а в конце XVIII в. — у Камероновой галереи рядом с комнатами Екатерины II в том же дворце и висячий сад Малого Эрмитажа в Зимнем дворце».⁶³ К этому списку можно было бы добавить и висячий сад в доме Бецкого рядом с Летним Садом в Петербурге. Не отметила Т. Б. Дубяго той важной черты, что висячие сады всегда устраивались либо как «комнатные» (в здании Эрмитажа), либо вблизи большого водного пространства (над Невой, Большим озером в Царском и пр.). Это была важная черта русского Барокко, перешедшая и в более поздние стили.

Садовое искусство при Петре I носило ярко своеобразный отпечаток личных петровских вкусов, петровской энергии и петровского подчинения всего им производимого единому преобразовательному плану.

2

Говоря о голландском и просветительском характере садов петровской эпохи, мы в значительной мере уже коснулись личных вкусов Петра. Но эти «личные» вкусы были, с одной стороны, обусловлены традицией, сложившейся еще во второй половине XVII в., а с другой — вызваны преобразовательными потребностями эпохи — изменением всей знаковой системы культуры, переводом ее на общеевропейские рельсы.

⁶⁰ Письма и бумаги Петра Великого, т. IV. СПб., 1900, с. 279.

⁶¹ См., например, инструкцию Б. Куракину и Г. Волкову в сентябре—октябре 1711 г. (Письма и бумаги Петра Великого, т. 11, вып. 2. М., 1964, с. 431).

⁶² Письма и бумаги Петра Великого, т. 11, вып. 2, с. 477—478.

⁶³ Т. Б. Дубяго. Русские регулярные сады и парки, с. 29.

Сейчас нам надлежит остановиться на «субъективных» вкусах Петра, сыгравших тем не менее значительную роль в садово-парковом искусстве и игнорировать которые мы не имеем права.

Петр заботился о насаждении садов, о выписке деревьев, кустарников, цветов, трав, входил во все детали садового строительства, составлял планы и чертежи, делал к ним подробные пояснения,⁶⁴ непрерывно отдавал распоряжения о садах — где бы ни находился, давал указания перед отъездом и из-за границы. И эти указания касались не одних только петербургских садов, но также Москвы и Таганрога, Риги и Украины.

Проекты Петра строились на основе виденного им в Москве и за границей, а также на основе книг по садоводству, которые он выписывал.⁶⁵

Петр любил деревья, по преимуществу большие, старые, и жестоко наказывал за их вырубку в садах. Судя по его бумагам, он выписывал деревья из-за границы (что облегчалось их доставкой по морю), из Москвы,⁶⁶ из Львова, из Острога, из Голландии через Ревель, из Амстердама, из Сибирской губернии, из Гаарлема, с Украины (из «черкасских городов»), из Путивля и т. д. Больше всего заботился Петр о привозе лип, особенно тех, которые привыкли к «нордским (северным, — Д. Л.) местам», и каштанов.

Характерны подробные указания Петра и забота о том, чтобы вывоз деревьев шел под наблюдением садоводов. Вот, например, его письмо от 25 апреля 1712 г. Б. И. Куракину:

Господин подполковник.

Понеже в Голландии около Гарлема есть липовые деревья от семен (а не из диких) в песочных местах, которые продают и отвозят в Штокхольм и прочия нордские места, и о таких потрудитесь, дабы достать тысячи две, толщиною в 6 дюймов вокруг, или в 3 дюйма в диаметр и чтоб от корени отсечены были вверх 10 футов. И, посадя с коренем на карабль в песок, которой для баласту клодетца, и прислать в Петербург тою же осенью, а лучше сам осведомся, когда лутче. И для того надобно у Статов исходатайствовать пас тому шипору, которой на карабле с теми деревьями поедет, чтоб свободно оной от неприятеля мог доехать до Санкт-Петербурга. Буде же в Санкт-Петербург привезти невозможно, то хотя б в Ревель, по самой нужде.⁶⁷

На это письмо Б. И. Куракин отвечал 28 октября 1712 г. из Гааги:

⁶⁴ См., например: Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 1. М., 1975, с. 135.

⁶⁵ О выписке «садовой книги» свидетельствует, например, ответное письмо Петру Любса от 16 ноября 1710 г. (Письма и бумаги Петра Великого, т. 10. М., 1956, с. 727).

⁶⁶ Ср. его письмо от 18 марта 1705 г. Любсу из Воронежа: «По сему как за море для дерев, так и с Москвы присылкою не умудли» (Письма и бумаги Петра Великого, т. III. СПб., 1893, с. 300).

⁶⁷ Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 1, с. 180.

... P. S. Деревья липовые 1300 отправлены на карабле до Ревеля и третьего дня в путь свой тот карабль пошел. Кондиции с тем шипером определены, чтоб ему полно соль свою продать беспошлино, также и оттуль хлеба было свободно кушить. А бес того охотников не было. А досталные 700 дерев ныне отправляются в Копенгаген к господину Синявину, которые могут без вреду быть перегружены.⁶⁸

Выписка липовых деревьев из Голландии производилась партиями в сотни и тысячи экземпляров. Так, 30 декабря 1712 г. из Амстердама было доставлено сразу 1300 лип.⁶⁹

Из других деревьев Петр выписывал еще кроме каштанов — бук, вяз, кедр, граб, лиственницу. Дубы Петр, по-видимому, не ввозил из далеких мест, а приказывал пересаживать в петербургские сады из окрестных лесов (наличие дубов на севере новгородских владений зафиксировано документами).

Вот выписка из письма Кикина из Санкт-Петербурга от 30 сентября 1708 г.: «В доме вашего величествия где все благополучно, и что надлежит в строении — исправляем: огород землею насыпан, ныне стали возвить из лесу дубовые деревья».⁷⁰

Понимая, что не всякое дерево привыкется в новой для него местности, Петр заботился о сохранении в новых садах тех деревьев, которые здесь уже росли до садовых работ. Сохранились целые участки леса, что, впрочем, соответствовало принципам голландского Барокко. Так, при Петре I дворец часто назывался «домом в еловой роще», ибо стоял он в естественном, материковом еловом лесу.

Особенно заботился Петр о том, чтобы пересаживаемые деревья были возможно более взрослыми и большими. В связи с этим он ищет технические средства выкапывать и перевозить деревья.

21 июня 1706 г. Петр пишет Ф. М. Скляеву: «Таже вели зделать несколко распусков на пушечных колесах, чтоб на оных возможно возвить липины, которые толстотою кругом дюймов в 12 или в 15, с кореньем и з землею».⁷¹

Те же заботы о перевозке больших деревьев продолжаются и в последующие годы. В связи с распоряжением Петра сыскать в «черкасских

⁶⁸ Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 2. М., 1977, с. 432.

⁶⁹ См. ответ В. Н. Зотова от 30 декабря 1712 г. (Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 2, с. 484). Издатели «Писем и бумаг Петра Великого» делают такое примечание к письму № 5230: «Из Голландии привозились преимущественно липы и каштаны, из Сибирской губернии — кедры. В 1716 г. царь отдал распоряжение А. И. Ушакову о присыкании до 100 тыс. молодых липовых деревьев. В 1724 г. Петр I приказал посадить из тысячи полученных каштановых деревьев 350 — на песчаной земле, 350 — „на пловатых местах“, остальные — на болоте. Деревья привозились для украшения Петербурга и его окрестностей» (Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 1, с. 470).

⁷⁰ Письма и бумаги Петра Великого, т. 8, вып. 2. М.—Л., 1948, с. 578.

⁷¹ Письма и бумаги Петра Великого, т. IV. СПб., 1900, с. 304.

городах» дерево граб и прислать в Воронеж, Г. И. Головкин 8 мая 1708 г. пишет письмо голландскому купцу Х. Бранту:

Мой господине. Прошлаго 1707-го году писал я к вам, моему господину, о присылке из Галандии мастера, которой бы мог большие деревья инструментами с места на место пересаживать. И по тому моему письму прислан от вас садовник, которой только молодые деревья звычайно пересаживать может. Однако же царское величество принять его указал и жалованье ему дается. Указал же его величество еще к вам писать, дабы вы потрудились и сыскали такого мастера, которой бы мог большие и вырослые деревья инструментами пересаживать без повреждения оных, как сказывают, что при дворе французском так делают. Буде же в Галандии такова мастера не сышется, то б хотя из Франции такого чрез корреспондентов ваших приговорить и таожде его с инструментами, к тому потребными, прислать.⁷²

В письме к Я. Брюсу (декабрь 1712 г.) Петр велел ему найти живописца, «который бы умел писать в огородах преспективы и прочия фигуры», и постараться нанять «огородника, который в Потсдаме и в других королевских огородах пересаживает большие деревья, которому имя Мартын Гендер».⁷³

Усвоил себе Петр и барочное пристрастие к различным раритетам флоры. 17 августа 1708 г. Петр писал из Мстиславля Петру Матвеевичу Апраксину:

Господин Апраксин.

По получении сего письма пошли кого в Гилянь и вели там купить молодых дерев померанцевых, лимонных и прочих, которые я здесь в диконку, ста два или больше. И вели их, выкопав из земли, поставить в ящики, чтоб мочно их с места на место переставливать и вывесть их будущо весною в Астрахань. И для того пошли туды из Астрахани морские судны, на которых те деревья в Астрахань вывесть, а из Астрахани отправить в верх Волгою с садовником столь высоко, пока морозы не захватят. А где им зимовать, вели сделать теплые избы, чтоб не позябли.

Piter.⁷⁴

Очень много проявлял Петр заботы о выписке кроме померанцевых деревьев — фиговых, особых сортов виноградных черенков (из Венгерской земли) и об устройстве для них «теплых анбаров» (оранжерей).

При этом Петр ценил и старое русское садоводство, приказывал доставлять в Петербург из подмосковных и других русских садов семена всяких трав и цветов: из Алексеевского (28 июля 1706 г.), Троицкой (5 февраля 1709 г.), Нежина (28 июля 1706 г.; в Нежине он просит сыскать и привесть «вееръглас»). Обращается он за семенами и кореньями в Коломенское и Измайлово. Особенно любил Петр душистые цветы и травы. Мяту и ромашку сажали по садовым дорожкам. В письме

⁷² Письма и бумаги Петра Великого, т. 9, вып. 2. М., 1951, с. 755.

⁷³ Письма и бумаги Петра Великого, т. 12, вып. 2, с. 245.

⁷⁴ Письма и бумаги Петра Великого, т. 8, вып. 1. М.—Л., 1948, с. 91.

к Тихону Никитичу Стрешневу от 24 или 25 марта 1704 г., т. е. при самом начале строительства новой столицы, Петр пишет:

Min Her.

Как вы сие письмо получите, изволь, не пропустя времени, всяких цветов из Измайлова не помалу, а больше тех, кои пахнут, прислать с садовники в Петербург.⁷⁵

Через два с половиной месяца после этого письма Петр снова пишет Т. Н. Стрешневу (письмо от 16 июня 1704 г.):

Цветы, шесть кустов пионы, привезли в целости, чему зело удивляемся, как не разтрясло, а цветы немалые. Зело жалеем, что калуферу, мяты и прочих душистых не прислано; а когда пионы довезли, а эти гораздо легче; прикажи их прислать...⁷⁶

Приходится удивляться, с какой неустанной заботливостью и требовательностью относился Петр к устройству садов и с какою осведомленностью и вниманием вникал он во все детали садового искусства.

Петр отлично понимал, что сад имеет не просто архитектурное или «санитарно-игиеническое» значение, но есть прежде всего место просвещения и воспитания. Сад учили русских людей европейской символике, эмблематике и мифологии, что позволяло русским людям общаться с иностранцами на общей культурной почве, понимать друг друга в светском обществе и не чувствовать себя невежами.

Семантика садов играла в петровском просветительстве одну из первых ролей.

⁷⁵ Письма и бумаги Петра Великого, т. III. СПб., 1893, № 636, с. 42.

⁷⁶ Там же, № 672, с. 93.